СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLIII, № 2.

ИЗЪ ИСТОРІИ

РУССКОЙ

ПЕРЕВОДНОЙ ПОВѢСТИ XVIII ВѢКА

Академика **А. Н. Веселовскаго.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1887.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1887 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ПОВѢСТИ XVIII ВѢКА.

Mme d'Aulnoy, Histoire d'Hypolite и лубочная сказка о принцѣ Адольфѣ.

Mme d'Aulnoy (1650 — 1705), племянница остроумной графини Desloges, игравшей роль при дворѣ Людовика XIII, извѣстна теперь главнымъ образомъ въ литературѣ французскаго colportage, ежегодно перепечатывающей ту или другую изъ ея Contes de fées. Онѣ нравились и еще нравятся извѣстному кругу читателей своимъ фантастическимъ элементомъ, своимъ esprit и сентиментальностью, разцвѣтившей старые сюжеты, заимствованные изъ Пентамерона, Страпаролы и т. п.; о сознательно-наивномъ стилѣ сказокъ Perrault нѣтъ и рѣчи. Другія произведенія Mme d'Aulnoy прошли менѣе замѣченными; ея Voyage d'Espagne, Mémoires de la cour d'Espagne и Mémoires de la cour d'Angleterre колеблются между исторіей и фикціей и проникнуты приторной галантерейностью высшаго французскаго общества конца XVII вѣка. Въ области романа Mme d'Aulnoy пошла по стезямъ Mme de Lafayette, не достигая впрочемъ глубины ея психологическаго анализа. Наиболѣе вниманія обратилъ на себя ея Hypolite, comte de Duglas (первое изданіе 1690 года), за которымъ послѣдовали: Le prince de Bourbon-Carenty и le Comte de Warwick. Въ настоящей замѣткѣ я займусь исключительно первымъ.

Mme d'Aulnoy излюбила пріемъ, завѣшанный восточными сказочными сборниками и неразъ встрѣчающійся въ повѣствовательной литературѣ XVI вѣка: пріемъ вставныхъ повѣстей. Въ повѣсть вставляется другая либо нѣсколько другихъ, причемъ разскащиками послѣднихъ являются дѣйствующія лица первой. Такъ въ Dom Fernand de Toléde включены сказки: Le Nain jaune и Serpentin vert; въ новеллу о Dom Gabriel Ponce de Léon — Le mouton, Finette Cendron, Fortunée и Babiole [1]). Такъ и въ романъ объ Ипполитѣ введенъ разсказъ, принадлежащій къ числу странствующихъ, извѣстный и въ русскомъ лубочномъ изданіи, но въ формѣ, которую дала ему Mme d'Aulnoy

Фабула романа [2]) сводится къ исторіи любви Ипполита, графа Duglas, и Юліи Warwick; дѣйствіе перенесено въ XVI вѣкъ, ко времени Генриха VIII и Франциска I, но въ сущности разрабатываетъ въ сентиментальномъ вкусѣ конца XVII-го столѣтія старую тему, когда-то вдохновившую автора-перескащика Floire и Blanchefleur. Отецъ Юліи принужденъ удалиться изъ Англіи, предупреждая гоненіе Генриха VIII, служитъ въ войскахъ венеціанской республики, попадаетъ въ плѣнъ къ корсарамъ и является вновь на сцену лишь во второй части романа, къ его развязкѣ. Его жена, умирая съ горя, поручаетъ свою малолѣтнюю дочь Юлію попеченіямъ семьи Дугласовъ, гдѣ она и выростаетъ въ сообществѣ молодыхъ Дугласовъ, Ипполита и его сестры. Между Ипполитомъ и Юліей завязываются сердечныя отношенія, разрастающіяся въ любовь, которая не по сердцу родителямъ юноши, такъ какъ они пріискали ему другую невѣсту, а за Юліей ухаживаетъ графъ Bedford. Родители пытаются разъединить влюбленныхъ, посылаютъ Ипполита путешествовать, но въ

[1]) Сужу такъ по изданію Contes des Fées, Paris 1797 г., 8 т. По Dunlop-Liebrecht, Geschichte der Prosa-Dichtung, отр. 409: Fortunée, Le Nain Jaune и *La Biche au Bois* включены въ новеллы: Ponce de Leon и Don Fernand de Toléde.

[2]) Я пользовался изданіями: Histoire d'Hypolite comte de Duglas, seconde partie. A Lyon, MDCXCIX, и Histoire d'Hypolite, comte de Duglas, par Madame d'Aulnoy. A Londres MDCCLXXXII. Отличія текстовъ, главнымъ образомъ, орѳографическія; я слѣдую второму.

первый разъ онъ тайкомъ возвращается съ пути и успѣваетъ видѣться съ своей милой. Когда это открылось, онъ снова усланъ, и на этотъ разъ родители прибѣгаютъ къ подмѣну писемъ, которыя писали другъ другу молодые люди, другими, назначенными охладить ихъ отношенія. Изъ одного подметнаго письма Юлія узнала о предстоящемъ будто-бы бракѣ Ипполита; оскорбленная въ своихъ чувствахъ она согласилась стать женою Бедфорда, хотя его и не любила. Когда Ипполитъ вернулся и козни раскрылись, свиданія влюбленныхъ начались снова, и Бедфордъ счелъ нужнымъ удалить свою жену во Францію, гдѣ помѣщаетъ её въ одинъ монастырь, подъ бдительный присмотръ аббатиссы.

О дальнѣйшихъ приключеніяхъ Юліи, послѣ ея бѣгства изъ монастыря, я говорить не буду. Развязка дана старымъ мотивомъ переодѣванія: Юлія, одѣтая мужчиной подъ именемъ Silvio, возбуждаетъ страсть въ маркизѣ Bécarelly; любовь открыта мужемъ и дѣло представлено на судъ, гдѣ Юлія-Сильвіо одновременно признана Ипполитомъ, отцемъ и мужемъ. Бедфордъ умираетъ во время, чтобы дать возможность влюбленнымъ сочетаться бракомъ.

Пыпинъ (Очеркъ стр. 285) отмѣчаетъ въ числѣ русскихъ рукописныхъ романовъ XVIII вѣка и слѣдующій, очевидно, переводъ съ пересказаннаго нами подлинника d'Aulnoy: Гисторія о Ипполитѣ, графѣ Аглинскомъ, и о Жуліи, графинѣ Аглинской же, любезная и всему свѣту курьозная инвентура и пр. (ркп. Забѣлина, XVIII вѣка, № 67, на 42 листахъ). Та-же повѣсть встрѣчается и въ ркп. Московскаго Общества № 324, конца XVIII в., л. 180 — 220: «Гисторія о графѣ Иполитѣ и о графини Жуліи Англинскаго государства», и въ собраніи Бередникова: «о Аглинскомъ графѣ Ипполитѣ и любительницѣ его Жуліи» (Извѣстія 4, 199). Пыпину я обязанъ указаніемъ еще на слѣдующія рукописи: Ундольскаго № 912 (скоропись 1754—1755 г. л. 55—63) и 1175 (половины XVIII в.); Публ. библ. Q, XV, № 75 (1741 г.); Церковно-археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи сборн. № 444. Сюда-ли относится лубочная

сказка, описанная у Ровинскаго[1]), съ подписью: «Храбрый рыцарь Ѵіолитъ» — не знаю.

Въ сборникѣ Забѣлина, заключающемъ, какъ мы видѣли, и списокъ «гисторіи о Ипполитѣ», помѣщена, между прочимъ, на 11 листахъ, «Гисторія о принцѣ Адолфѣ и о островѣ вѣчнаго весселія»; другой экземпляръ этой повѣсти находится въ рукописи Забѣлина № 82; третьимъ, изъ упомянутаго сборника Ундольскаго, № 912 Рум. Муз., содержащаго и списокъ Ипполита, я пользовался въ копіи, любезно доставленной мнѣ проф. Тихоправовымъ. Повѣсть эта попала въ лубки: Ровинскій[2]) описываетъ экземпляръ исторіи «о принце Одолфе Лампландіискомъ и о островѣ вѣчнаго весѣлія», на двухъ листахъ, въ восьми картинахъ, гравированныхъ на мѣди, на ахметьевской фабрикѣ, въ первой половинѣ XVIII вѣка. Къ описанію приложенъ и текстъ, который, въ сущности, не что иное, какъ сокращеніе текста, представляемаго рукописью Ундольскаго, или сходнаго съ нимъ, являющагося съ своей стороны переводомъ, нерѣдко дословнымъ, иногда и съ опущеніями, одного эпизода изъ романа Mme d'Aulnoy: Histoire d'Hypolite.

Романъ d'Aulnoy вводитъ эпизодъ объ Ипполитѣ такимъ образомъ: Юлія въ монастырѣ; Ипполитъ проникаетъ туда вмѣстѣ съ однимъ художникомъ, писавшимъ портретъ настоятельницы; пока онъ пишетъ, Ипполитъ, по просьбѣ аббатиссы, разсказываетъ ей «un conte approchant de ceux des Fées» (v. II. p. 103 слѣд.): о русскомъ принцѣ Адольфѣ, юномъ героѣ, который на двадцатомъ году «avoit déjà soutenu une grande guerre contre les Moscovites». Русская повѣсть удержала имя Адольфа, но сдѣлала его принцемъ Лапландіи, хотя въ описаніи послѣдней страны удержаны черты, которыми у d'Aulnoy описанъ климатъ Россіи. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ переводомъ и его сокращеніемъ (въ лубкѣ), докажетъ до очевидности слѣдующее сближеніе.

Повѣсть начинается такимъ образомъ:

---

[1]) Д. Ровинскій, Русскія народныя картинки I. стр. 188.

[2]) l. c. I, стр. 156 слѣд.; ср. IV, 162—3, 165, 533; V, 100, 126, 127.

D'Aulnoy.

La Russie est un pays froid, où l'on ne voit guere les beaux jours d'un climat tempéré: ses montagnes sont presque toujours couvertes de neiges et les arbres y sont si chargés de glaçons, que lorsque le soleil darde ses rayons dessus, ils paroissent comme s'ils étoient garnis de crystal; il y a des forêts d'une grandeur prodigieuse, où des ours blancs font un ravage horrible; on leur fait continuellement la guerre, on les tue; mais ce n'est pas sans peine et sans péril, et cette chasse est la noble et la plus ordinaire occupation des Russiens. Ces peuples étoient gouvernés par un jeune prince, nommé Adolphe, si heureusement né, si beau, si poli et si spirituel, qu'on auroit eu de la peine à se persuader que dans un pays si rude et si sauvage l'on eût pu trouver un prince si accompli. Il n'étoit pas encore dans sa vingtième année, qu'il avoit déjà soutenu une grande guerre contre les Moscovites, où il fit paroître un courage intrépide et une conduite admirable: lorsqu'il laissoit reposer son armée, il ne se reposoit pas lui-même, et il alloit à cette dangereuse chasse des ours.

Ркп.

Близъ полуношной страны къ леденому морю тамъ лежащая часть Лапландія есть холодное государство гдѣ мало бываетъ благораствореннаго воздуху. Горы почти всегда покрыты снегомъ и древа тамъ обвешаны лдомъ, что когда солнце испуститъ на нихъ свои теплые лучи, то оне кажутся будто хрусталемъ украшены. Тамже находятся рощи чрезвычайной вышины, где медведи белые тамошнимъ жителямъ великое разореніе чинятъ. Оные жители ходятъ за ними беспрестанно и ихъ умерщляютъ, но сие не без труда и не без страху; однако сія охота нощутчая и ноизобычайнеишая тамошнимъ двореномъ. Оными народами владелъ принцъ Одолфъ, которой во всемъ многихъ превосходилъ, какъ храбростію, такъ и протчими добродетелями, о которыхъ едва говорить можно, дабы въ такомъ холодномъ и дикомъ и отдаленномъ государстве такой совершенной принцъ находится могъ. Еще не болѣе 20 лѣтъ, а уже великую войну с мальтійскими ковалерами содержалъ, где показалъ несравненную храбрость и мудрые поступки; когда онъ велелъ своей арміи отдыхать, самъ же тогда не отдыхалъ, но ѣздилъ на сію страшную медвежью ловлю.

Луб. кн.

Близъ полунощной страны къ леденому морю тамъ лежащая часть Лампландіи планиды небесной есть холодное государство, гдѣ мало бываетъ благорастворенаго воздуха — [1]).

Тамъ же в техъ местахъ находятся рощи чрезвычаіной вышины где обрѣтаются медведи белыя и прочіихъ звереи множество —

и по тамошнему месту промыслъ охотничеи жители той страны имѣяхъ. А особливо в техъ местахъ былъ некоторый владетель принцъ иминуемый Одолфъ, которой многихъ во всемъ превосходилъ какъ храбростію, такъ и добродетелями (что слѣдуетъ далѣе въ параллельномъ эпизодѣ рукописи, того въ лубкѣ нѣтъ).

[1]) Отмѣчаемъ: — мѣста, опущенныя въ луб. изданіи.

Передавая далѣе содержаніе французской повѣсти я буду указывать эпизодически на ея отношенія къ русскому переводу по двумъ имѣющимся у меня текстамъ [1]).

Однажды заблудившись на охотѣ Адольфъ забрелъ въ пещеру (луб. опускаетъ подробность: ayant la main sur la garde de son épée, afin d'être en état de se défendre = ркп. державъ рукою за ефесъ, чтобы онъ в оборонителномъ состояніи находился). Au bruit qu'il fit en marchant une vielle, dont ses cheveux blancs et les rides marquoient assez le grand âge, sortit du fond d'un rocher. Elle témoigna un étonnenemt extrême en l'abordant; vous êtes le premier *mortel*, lui dit-elle, que j'aie vu en ces lieux; savez-vous, Seigneur, qui les habitent? = ркп. стукъ, которой онъ делалъ идучи, одна обитающая тамъ старуха, услышавъ оной, вышла ізнутри горы, у которой волосы были белы и морщины на лице ея доволно давали знать великую ея старость. Она же принцу тому удивлялась, видя его, говорила: Вы есть первый, еже васъ вижу в сихъ местахъ. Знаете ли вы, мои государь, кто здесь живетъ, іли нѣтъ? — Луб. сокращаетъ по обыкновенію, но, очевидно, по одной обмолвкѣ (*mortel* = *из мертвыхъ*), что онъ зналъ рукописный переводъ въ другомъ спискѣ, чѣмъ списокъ Ундольскаго: «узрелъ старуху распростертую власы главы своея. Она же видевъ мя удивися и говорила тако: вы есте первы *из мертвыхъ* воскресъ, котораго я вижу в сихъ местахъ. И знаете ли кто здесь живетъ или не знаете»? — Оказывается, что это жилище Эола (ркп. Wола, луб. Аола) бога вѣтровъ, старуха ихъ мать, а теперь всѣ вѣтры ушли по разнымъ мѣстамъ — исполнять «свои должности в делах добродетели и злости в свете» (рук. луб.) = à faire du bien ou du mal dans le monde. Mais, continua-t-elle, vous me paroissez pénétré de l'eau qui vient de tomber, je vais vous allumer du feu, afin de vous sécher; ce qui me fait de la peine, c'est que vous ferez mauvaise chère; les Vents font des repas fort légers, et les hommes ont besoin de quelque chose de plus solide = ркп. Она-же ему сказала: Какъ вы кажетесь будто

[1]) Далѣе я цитую: Ркп. = рукопись; луб. = лубочный текстъ.

замочены отъ дождя, которой теперь шолъ, я в томъ очень сожалею, что вы здесь никакой пищи наитить не можете, понеже ветры всегда легкія кушанья употребляютъ, а люди імѣютъ нужду в твердыхъ пищахъ. Луб. оставилъ отъ всего этого лишь одну фразу: но толко я васъ очень сожалею, что вы здесь никакой пищи наитить не можете. — Въ это время входятъ въ пещеру вѣтры: ils étoient tout moulliés, ils avoient les joues bouffies, les cheveux mal arrangés, leurs manières n'étoient ni *civiles* ni *polies*, et lorsqu'ils voulurent parler au prince, ils pensèrent le geler de leurs haleines = ркп. они были все мокры, щоки ихъ раздуты, волосы распущены и въ поступки не очень вежливы и т. д.; луб., очевидно, опустилъ нѣсколько словъ оригинала, а одно прочелъ невѣрно: и они все были мокры от дождя и щоки ихъ виду не очень были веселы (sic.) — Ветры начинаютъ разсказывать, что каждый изъ нихъ сдѣлалъ за день; между прочимъ второй, qu'il avoit fait périr plusieurs vaisseaux (ркп. луб. привелъ в великій страхъ многие корабли), третій «qu'il avoit été *favorable* à certains navires, et qu'il les avoit sauvés des *Corsaires*» = ркп. что онъ далъ *благополучную* погоду некоторымъ кораблямъ (этимъ ограничивается луб.) и что онъ ихъ спасъ отъ *карсицкихъ разбойниковъ*, которые на него хотели было напасть.

Луб. далѣе сильно сокращаетъ: и в тотъ самой часъ Одолфъ увиделъ вшедшаго в пещеру одново младова отрока велми прекрасна и много подобенъ Купиде, имелъ онъ крылья белыя а імя ему Зефиръ, и сталъ разсказывать какъ былъ у прекрасной принцесы Красоты и Веселия, смотрелъ где она гуляла со всеми нимфами; некоторыя плели короны изъ разныхъ цветовъ и їныя многия увеселенія виделъ». Вмѣсто того слѣдуетъ во французскомъ оригиналѣ = ркп.: безпокойство матери о замешкавшемся Зефирѣ, ея разспросы о немъ у братьевъ; явленіе Зефира и подробное описаніе его красоты; упреки матери и обстоятельный разсказъ о видѣнномъ имъ на островѣ Веселія. Ркп. (= франц. текстъ) снова совпадаетъ съ луб. со словъ: «Одолфъ слышалъ сіи слова с такимъ удоволствиемъ».

Вотъ описаніе Зефира: «Одолфъ уведелъ вшедшаго в пещеру одного младаго отрока, такъ прекрасна, какъ тотъ, который Купиду описуетъ (aussi beau que l'on peint l'amour). Имелъ онъ крылье изъ белого перья, местами смешены с алыми (couleur de chair), которые были такъ тонки і суптельны (délicates), что всегда казались будто и без ветру в беспрестанномъ движеніи находятся; волосы ево были бѣлы с природными колцами (boucles), которые лежали по плечамъ; на голове ево была надета корона, сплетена із разныхъ цветовъ (de roses et de jasmin), которая придавала еще больше красоту ево лицу; а видъ ево былъ веселъ и приятенъ». Онъ былъ «у прекрасной пренцесе, называемой Красоты и Веселия (Princesse Félicité), где она гуляла со всеми ея нимфами: некоторые плели короны із цветовъ, а иные лежали на траве, раскинувъ у себя груди (sa gorge) дабы я ихъ могъ своимъ веяніемъ прохлаждать (pour me laisser plus de liberté d'approcher d'elle et de la baiser), многие танцовали по миноветамъ (dansoient aux chansons); прекрасная жъ пренцеса находилась в одной алеи, сплетеной іс поморанцовыхъ древесъ (allée d'orangers), мой духъ (haleine) проходилъ до ея устъ і игралъ я около того места, повевая тихо под ея покровъ, которой лежалъ у нѣе на лице. Зефиръ, сказала она, о какъ я тебя нашла приятна, и что ты показываешь мне увеселенія, тогда какъ ты здесь находишься, я не оставлю никогда сие веселое место! Изволите вы сама, матушка, разсудить, что такіе пріятные слова, которые произошли отъ такой прекрасной персоны, меня весма темъ обрадовали! И такъ я не былъ над собою самовластенъ і не могъ намерение возыметь, чтобъ ея оставить, и ежели не опасался васъ, матушка, прогневать, то никогда ея не оставилъ [бы]».

«Одольфъ слышалъ сіи слова»: здѣсь луб. снова совпадаетъ съ ркп., но лишь для того, чтобы непосредственно за тѣмъ сократить въ нѣсколько строкъ пространный эпизодъ своего подлинника. Сл. луб.: «Адолфъ, слыша сия с такимъ удовольствиемъ, сожалелъ о томъ, и когда Зефирь пересталъ говорить, и онъ

сказалъ: Позволте мнѣ, любезный Зефирь, спросить васъ, в которомъ царстве сия прекрасная пренцеса. Ответствовалъ Зефирь: Во острове вечнаго веселія, и никто, мои Государь, туда доити не можетъ, понеже сталъ за великими и непроходимыми горами, морями и лесами. Любезны мои дети, сказала старуха, время покои иметь, уже позно. И тако вси идоша спати, а Зефирь Одолфа взявъ в свою пещеру, и препроводили всю нощь в приятныхъ разговорахъ. Наконецъ Одолфъ просилъ: Любезны мои Зефирь, с нетерпеливымъ моимъ желаниемъ хощу я видить сию пренцесу. Зефирь ответствовалъ: Ежели имѣете великодушие и отдадите себя в мою волю, то непременно тамъ будите. И подари епанчу, рече: Аще ты наденешъ зеленою стороною, то невидимъ будеш. И тако на свои рамы повеле Одолфу сести и поднялся на воздухъ и летѣлъ чрезъ горы, моря и рѣки и чрезъ грады, леса, поля и озера, и тако принесе на островъ тои и сказалъ ему тако: Мой государь, я окончалъ свою службу, а теперь вы сами должны доставать что желаете. Адолфъ Зефира благодарилъ за показанную ево службу и для своего увеселѣния поспешалъ къ фартеціи (sic) и палатамъ, и когда подошелъ к нимъ ближе и увиделъ в окно одну нимфу, спустившую на залатомъ спурке корзину, и приказала садовнице нарвать цветовъ для пренцесы».

Всё это сокращено изъ слѣдующаго (ркп.):

«Когда Зефиръ пересталъ говорить, принцъ подошелъ къ нему и сталъ ему говорить: Позволите мне, любезный Зефиръ, спросить, в которомъ государстве царствуетъ сія пренсеса? И на оное ответствовалъ Зефиръ: Царствуетъ сія пренцеса во острове, называемомъ вечного веселія. Никто не можетъ, государь, туда войтить, или пристать ко оному острову (personne, Seigneur, n'y peut entrer, on ne se lasse point de la chercher), щастие человеческое (le sort des humains) такое есть, что не можно подумать онои сыскать, і многіе ездятъ и напрасно себя в томъ трудятъ и жизнь свою многіе оканчиваютъ, а ево и видеть [и] достать не могутъ; понеже часто то бываетъ, вместо того острова пристаютъ к другимъ малымъ островамъ (à d'autres

petits Ports), где пребываютъ в пріятномъ воздухе і в покое (ou l'on surgit avec un peu de calme et de tranquillité); тіи тутъ многіе с радостію остаются на томъ острове, которые весма несходныя со онымъ островомъ вечного веселія; точію оные всегда в движеніи, і все те, которые ищутъ, часто невидимы бываютъ (сл. франц. т.: mais ces isles, qui n'approchent que très médiocrement de celle de la Félicité, sont toujours flottantes, on les perd bientôt de vue; et l'envie qui ne peut souffrir que les mortels se flattent même de l'ombre du repos, est celle qui les chasse de ces lieux-là. J'y vois périr tous les jours des hommes d'un mérite distingué). Вижу я, что всегда і знатные люди проподаютъ». Принцъ еще его спрашивалъ некоторыми мудрыми вопросами, на которые онъ ему съ великимъ почтеніемъ і хитростію (avec beaucoup d'exactitude et d'esprit) ответствовалъ. Тогда уже очень было поздно, старуха приказала всемъ своимъ пойти в свои пещеры; Зефиръ просилъ принца, чтобы онъ к нему въ пещеру пошелъ и послалъ ему постелю (Zéphire offrit son petit lit au Prince). Пещера ево была очень хорошо убрана и не такъ холодна, какъ въ тех других пещерахъ; расла в ней трава очень мягка, украшена разными цветами. Одолфъ легъ на нее и препроводилъ остатокъ ночи въ пріятныхъ разговорахъ зъ Зефиромъ о прекрасной принцесе. Наконецъ сказалъ ему Одолфъ: Любезный Зефиръ, съ нетерпеливымъ желаніемъ (passion) хощу я видеть сію принцесу, которая на острове Вечного Веселія жителствуетъ, і притом же не сумневаюсь, чтобъ я чрезъ помощь вашу намеренія своего ко основательному концу привесть не могъ. Зефиръ ему отвѣщалъ, что предпріятие есть весма жестоко (l'entreprise étoit bien dangereuse), но ежели вы імѣете столко великодушія (courage), чтобъ себя отдать в мою волю, то уже я вздумалъ к тому способъ такой: взявъ тебя на свои крылья и понесть по воздуху. Еще жъ имѣю я, сказалъ онъ, одну епанчю (manteau), которую вамъ подарю; когда вы надените ея зеленою стороною, то вы будите невидимы, и тако никто васъ не познаетъ; і ето очень

надобная вещь дая охраненія вашего живота, понеже стражами того острова суть престрашныя чюдовища: [если] васъ увидятъ, хотябъ вы каковы храбры ни были, однакож от оныхъ побѣжденны-б были, и тутъ бы великое несчастие над вами приключилось». Одолфъ имелъ такое великое желаніе, дабы исполнить сіе дело (aventure), хотя сколко ему Зефиръ ни предлагалъ ужасного (qu'encore que le parti que Zéphire lui proposoit fût très périlleux), онъ все сіе ни во что не вменялъ. Какъ скоро утреннея заря стала показыватся в своей перловой колеснице (char de nacre de perles), тогда нетерпеливой принцъ проснулся и сталъ будить Зефира, мало упокоеннаго (qui s'etoit un peu assoupi). Я вамъ не дал покою, сказалъ ему принцъ, обнявъ его; мой дражайшій братъ (hôte), мнѣ кажется, что уже время въ путь отправлят'ца. Пойдемъ, сказалъ онъ, Государь; не толко чтобы мне за бѣспокойство принимать, но я долженъ васъ благодарить, и я вамъ открою, что люблю одну розу, которая есть горда и самовластна (mutine), и ежели я еѣ не увижу скоро, какъ ден(ен)ь разсвенетъ, то она мене к себѣ не допуститъ; находитца она въ цветнике принцесы вечного веселія. — Окончавъ сіи слова, далъ ему епанчю, которую обѣщалъ, и хотелъ ево нести на своихъ крыльяхъ, но показалось ему, что это весма беспокойно. А я васъ хощу пронесть, мой государь, сказалъ онъ ему, и какъ я принесу в те пріятные и предготовленные полаты, которые вы увидите (непонято; см. франц. т.: je vais vous enlever, Seigneur, lui dit-il, comme j'enlevai Psiché par l'ordre de l'amour, lorsque je la portai dans ce beau Palais qu'il lui avoit bâti). І сказавъ оное онъ тотчасъ взявъ ево в свои руки и селъ отдыхать на высокой горе (et s'étant mis sur la pointe d'un rocher), потомъ тихими, скромными маханіями своихъ крылъ поднялся на воздухъ (il commença de se balancer d'un mouvement égal, il étendit ses aîles et prit son vol planant dans les airs); но хотя сколко сеи принцъ смелъ ни былъ, однако онъ не могъ удержатся, чтобъ не чювствовалъ в себѣ страху, но когда онъ увиделъ себя на воздухе в рукахъ младаго отрока, то почювствовалъ страхъ,

но размышлялъ, что богъ Купида (l'Amour), хотя кажется будто бѣзсиленъ і малъ, однако сильнейшій и крепчайшій всехъ другихъ, и тако придавалъ себѣ бодрость и зачелъ сея ни во что вменять і смотрелъ с прилежаниемъ (attention) на все те места, чрезъ которые онъ пронесенъ былъ, но никакимъ способомъ сихъ местъ за множествомъ іщислить не могъ: сколко земель, морей, озеръ, степей, горъ, лесовъ, городовъ, незнаемыхъ разныхъ народовъ! Все сіи вещи привели ево в великое удивленіе, что онъ языкомъ своимъ, видя сіе, проглаголати не могъ. Зефиръ уведомлялъ ево о техъ земляхъ і народахъ и сказывалъ о ихъ іменахъ і нравахъ. Летелъ онъ тихо и садился отдыхать на многихъ превысочайшихъ горахъ, которые ім в пути попадались (sur ces formidables monts de Caucase et d'Athos et sur plusieurs autres qu'ils trouvèrent en leur chemin). Хотя бы прекрасная роза, которую я люблю, сказалъ Зефиръ, хотела меня жалить своимъ терниемъ за то, что не скоро к ней прилечю, однакожь я не могу сіе оставить, чтобъ не далъ вамъ на сіе прекрасное место увеселятца (sans vous laisser, pour quelque temps, le plaisir de considérer les merveilles que vous voyez). Одолфъ ево благодарилъ за показанную к нему отъ него милость и доброжеланіе и въ то самое время возбудило Одолфа великое бѣзпокойство о томъ, что принцеса, которая обитаетъ на острове вечного веселія, ево языка разуметь не можетъ, [ни онъ] говорить ся языкомъ (que la Princesse Félicité n'entendit pas sa langue et qu'il ne pût parler la sienne). Не печался объ етомъ, сказалъ ему, принцеса все языки чрезъ данную *отъ боговъ* премудрость знаетъ (Ne vous mettez point en peine de cela, lui dit *le Dieu*, la Princesse est universelle, et je suis persuadé que vous parlerez bientôt un même langage). Потомъ онъ летелъ долго, і внезапу сей желаемой ім островъ въ виду показался; красота одна вложила в мысли принцу, что есть заволхвованное место (et par toutes les beautés, qui frappèrent d'abord les yeux du Prince, il n'eut point de peine à croire que c'étoit un lieu enchanté): воздухъ тутъ былъ наполненъ чистымъ благоуханіемъ, роса отъ поморанцовыхъ дре-

весъ сиспадала и самый дождь благоуханіемъ отъ разныхъ цветовъ наполненъ былъ (la rosée étoit d'excellente eau de Nafre et de Cordoue, la pluie sentoit la fleur d'orange); фантаны досягали даже до облакъ, рощи насаждены были реткими древами, цветники наполнены были преизрядными разныхъ родов цветами, источники чистые, подобны хрусталю, текли по всемъ сторонамъ і производили тихой шумъ (un doux murmure); птицы тутъ пріятные пели канцерты, которые превосходили всякую музыку (faisoient des concerts plus charmans que ceux des meilleurs maîtres de musique); ѳрукты сами отъ себя плоды производили (les fruits y venoient naturellement sans être cultivés); всякого изобилія в ономъ острове, кто чего толко желалъ, неищислимое множество произростало (франц. т. вмѣсто того: et l'on trouvoit dans toute l'isle des tables couvertes et servies délicatement aussitôt qu'on le souhaitoit). Полаты той принцесы во всемъ, что здѣсь написано (ркп — ныхъ), стократно превосходили: стены оныхъ были із дикого мрамора (de diamans), изрядной архитектуры, верхъ оныхъ покрытъ золотыми плитами, на которыхъ видно было множество драгихъ камней (les planchers et les plafonds de pierreries qui formoient des compartimens), золота тамъ казалось больше, какъ железа и камней, а прочие уборы принуждали силою смотреть на себя, будто бы руками боговъ устроены были (les meubles étoient faits de la main des fées et même des plus galantes), и все в такомъ добромъ порядке учреждены были, что не знаю, зданию-ли дома, или богатству, іли благолепію (à la magnificence ou à l'assortiment) того места предпочтеніе предписать надлежитъ, понеже одно другому ни в чемъ не уступало и всё было удивленію достойно. Зефиръ поставилъ принца въ пріятномъ лугу (boulingrin) и сказалъ: Мой Государь, я окончилъ мое слово (je me suis acquitté de ma parole), а не пременилъ, а теперь вы сами должны доставать. И оба нетерпеливо хотели къ любезнымъ своимъ итить, и обнявшись другъ съ другомъ разлучились. Одолфъ остался в семъ пріятномъ саду и проходилъ тутъ несколько густыхъ алей, виделъ

множество гротовъ, нарочно для увеселенія построенныхъ і усмотрелъ в одномъ гроте Купида (amour) із бѣлого мрамора, столь хитро устроенъ, что и наискуснейшій мастеръ зделать такого не можетъ (qu'il devoit être le chef-d'oeuvre d'un excellent ouvrier): облокотясь на пригорокъ (rocher de rocailles) держалъ онъ в одной руке факелъ (flambeau), ис котораго происходилъ огнь, а другою рукою указывалъ, будто сіи вирши на аспиде (une pierre de lapis) читалъ:

Кто сумневается, что увеселеніе
Не можетъ исполнить наше похотеніе
І показать (ркп. — лъ) приятную жизнь,
Дабы вечно любить,
Имеютъ толко прелесть безвласну,
Однаковъ ко всему согласну.

Quiconque de l'amour ignore les plaisirs,
N'a jamais éprouvé de douceur véritable;
Lui seul peut remplir nos désirs
Et rendre la vie agréable;
Sans lui les plus grands biens n'ont qu'un charme impuissant
Et tout est languissant.

Одолфъ вошелъ потомъ в прохлажденное место, листвіемъ древесъ покрытое (de chevrefeuille), ис котораго сонце своими лучами приятную мрачность изгнати не могло. В семъ месте легъ онъ на цветущей траве, которая окружена была фантанами, і *воспріялъ* себѣ отъ сонца покой, приятный *покой* (il se laissa *surprendre* aux douceurs du sommeil; ses yeux appésantis et son corps fatigué prirent quelques heures de *repos*). И какъ проснулся Одолфъ, было блиско обѣда (près de midi), весма о томъ печалился, что столко время праздно препроводилъ, и для своего увеселенія (pour s'en consoler) поспешалъ съ великою скоростію къ полатамъ. Когда онъ подошелъ к нимъ ближе, то еще болше удивился красоте оныхъ, понеже все украшеніе лутче во сто кратъ могъ усмотреть, нежели когда они ему издалека казались; думалъ, что совершенно все хитрости боги вспомоществовали

онымъ мастерамъ делать сіи полаты (que tous les arts avoient concouru avec un égal succès à la magnificence et à la perfection de cet édifice). Епанча принцова была всегда надета на зеленую сторону, и тако никто ево видеть не могъ; всяческіи старался, чтобъ какъ ему воитить в оные полаты, однакожь двери были такъ утаены искусно (soit que le vestibule fermât, ou que les portes du palais fussent d'un autre côté), что наитить ихъ никакъ невозможно. Внезапу усмотрелъ онъ прекрасную персону (une fort belle personne), отворяющую хрустальное окошко, к которому того саду садовница подошла; стоящая же девица спустила ей із золота сплетенную корзину (corbeille de filagrame d'or), перевязанную разноцветными лентами, и велела нарвать цветковъ принцесе».

Снова ркп. и луб. сходятся на время: Адольфъ, невидимый благодаря своей эпанчѣ, сообщавшей силу и легкость, садится «в тот же маментъ» (луб. в самои тот маментъ; dans ce moment) въ корзину — и очутился въ залѣ, гдѣ было множество нимфъ, одна краше другой: старшей было не болѣе восемнадцати лѣтъ (луб. пятнатцати, dix-huit ans), «а тела ихъ были чрезвычайно бѣлы» (et toutes d'un teint et d'un enbonpoint admirable, blanches, fraîches; луб. а тѣло у нихъ чрезвычаиной белизны и диликатности было). И въ этомъ описаніи луб. сокращаетъ, какъ и въ слѣдующемъ эпизодѣ: Адольфъ прямо идетъ «за девицами чрезъ каморы в принцесины покои», тогда какъ ркп. вѣрна тексту: «Одолфъ бы и весь день непрестанно взирая на красоту оныхъ тамъ пребывалъ, ежелибъ голосъ многихъ согласныхъ інструментовъ не возбудилъ ево любопытство. Пошолъ онъ в каморы те (vers une chambre), откуду происходило эхо оныхъ пріятныхъ инструментовъ (d'où venoit cette agréable harmanie); въ то время какъ онъ туда вступилъ, услышалъ сихъ поющихъ слова:

«Будите верны і будите приветны, любезныя, разрушить вашъ цветъ прекрасныи, производитъ ваши дни в совершенное время приходитъ всякомъ блаженствѣ (ркп. о); надлежитъ вамъ надеятся на хорошие времена, которые бываютъ стражие вашего живота». Сл. французскій текстъ:

Soyez tendre, soyez fidèle,
Persévérez jusqu'au bout.
Amant, vous toucherez le cœur de votre belle:
Le temps vient à bout de tout.

Vous qui brûlez d'une ardeur mutuelle,
Si du destin la rigueur trop cruelle
Vous refuse d'heureux momens,
Vous devez esperer une saison plus belle,
On obtient tout du temps.

Во второй залѣ, куда вступилъ Адольфъ, нимфы были еще прекраснѣе; одну изъ нихъ онъ испугалъ, подавъ ей, невидимый самъ, вуаль, который съ нея спалъ. Разказу нимфы о приключившемся съ нею никто не вѣритъ, и всѣ съ хохотомъ отправляются въ покой принцесы, чтобы разсказать ей объ этой небывальщинѣ. Здѣсь луб. снова совпадаетъ съ ркп.: принцеса сидитъ на тронѣ изъ «камня называемаго скарбункъ (луб. скорбункъ; d'une seule escarboucle), которой блистаниемъ своимъ сонцу уподоблялся, очи же сея пренцесы еже и тотъ скорбункъ светлостію превосходили». Этой подробности, какъ и слѣдующаго далѣе описанія красоты и одежды принцесы въ луб. нѣтъ; осталась лишь небольшая черта: «имеяше же при себѣ малинкихъ купидончиковъ, цалующихъ ея руки». Сл. ркп.: «имела при себѣ много маленькихъ купидъ (amours), играющихъ в разные игры; притомъ иные принимали у нее руки и целовали ихъ, другие чрезъ помощь ихъ товарищей на стороне трона восходили и возлагали на голову ея венецъ и старались всеми мерами, чтобъ ея какъ нибудь веселить» (les plaisirs badinoient aussi avec elle). — При видѣ принцессы Адольфъ приходитъ въ такое волненіе, что шапка падаетъ съ него, и его увидѣли. Колѣнопреклонившись передъ нею онъ такъ говоритъ: «Великая пренцеса, я прошолъ всю вселенную, чтобъ вашу блистательную красоту видеть удостоился, при томже ревность імею в сердцы и пред вами предлагаю» (je vous offre mon coeur et mes voeux; луб. искажаетъ: пришелъ я .... видить блистателную вашу красоту и возревновавъ симъ способомъ, которой имелъ все объявить ей случив-

шееся в пути!). Луб. опустилъ здѣсь необходимую подробность подлинника (= ркп): что принцесса до того никогда не видала мужчины; оттого она считаетъ Адольфа единственнымъ въ своемъ родѣ и обращается къ нему съ словами: Прекрасный ѳиниксъ! (ркп. луб.; beau Phénix). — Назвавъ себя, Адольфъ объявляетъ ей свою любовь, «которой она противности (съ) своей стороны ни мало не показала, и правда, что оне любили другъ друга безмерно і все, что то імѣетъ радость і умиленіе сердечное, то было в сердцахъ сихъ двухъ любящихся персонахъ (tout ce que l'amour a de douceurs, tout ce que l'esprit a de beauté et de vivacité, tout ce que le coeur a de délicatesse, se faisoit ressentir à ces deux tendres amans), і не находилось ничего, чтобы покою ихъ препятствовать могло, но все к веселію ихъ соглашалось, ни тяшкими болѣзнми, ни тяшкими безпокойствами никогда отягощены не были; младость ихъ теченіемъ летъ не ищезала, і в семже месте они водою чистого источника прохлаждались (c'étoit dans ce lieu délicieux où l'on buvoit à longs traits de l'eau de la fontaine de Jouvence); зависти и подозренія, которыя случаются между любящимися, ни малыя укоры не приключалось, и даже до сего времяни ни одинъ ис человекъ такого непременного щастія не имелъ. Но человеческая слабость всегда влечетъ на себя новыя злополучія, никогда въ благополучіи пребывать твердо не можетъ». — Весь этотъ абзацъ сокращенъ въ луб. въ нѣсколько строкъ: Адольфъ «объявилъ свою любовъ и она ему противности ни мало не показала и потомъ они другъ друга безмерно любили и что имъ есть радости и умиления, то было въ ихъ сердце двухъ, и ни одинъ человѣкъ такова счастия не обреталъ — однако слабость всегда влечетъ на себя злополучие».

Однажды Адольфу вздумалось спросить у принцессы, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ «веселится» съ нею (il jouissoit du plaisir de la voir). Онъ самъ думаетъ, что не болѣе восьми дней (huit jours), трехъ мѣсяцевъ (луб. знаетъ только первый срокъ) — и страшно пораженъ, узнавъ, что онъ уже триста лѣтъ, какъ на островѣ. Онъ предается горю: что дѣ-

лается въ его государствѣ, узнаютъ-ли его по возвращеніи? Принцесса упрекаетъ его въ неблагодарности и вызываетъ защиту — и новыя сѣтованія Адольфа, который проситъ отпустить его домой. Весь этотъ эпизодъ сильно сокращенъ въ луб.; изъ соотвѣтствующаго отдѣла ркп. приведу отрывокъ къ характеристикѣ перевода.

Адольфъ жалуется: «si j'étois mort à présent, j'aurois peut-être fait de si grandes actions, qu'elles auroient éternisé ma mémoire: je vois avec honte ma vertu sans occupation et mon nom sans éclat; tel étoit le brave Renaud entre les bras de son Armide, mais la gloire l'arracha de ses bras. La gloire t'arrachera donc des miens, barbare, s'écria la Princesse en versant un ruisseau de larmes, tu veux me quitter et tu te rends indigne de la douleur qui me pénétre; en achevant ces mots elle tomba évanouie; le Prince en fut sensiblement touché, il l'aimoit beaucoup, mais il se reprochoit d'avoir passé tant de temps auprès d'une maîtresse et de n'avoir rien fait qui pût mettre son nom au rang de celui des Héros; il essaya en vain de se contraindre et des cacher ses déplaisirs, il tomba dans une langueur qui le rendit bientôt méconnoissable; lui qui avoit pris des siècles pour des mois, prenoit alors des mois pour des siècles. La Princesse qui s'en apperçut, en ressentit la dernière douleur, elle ne voulut plus que la complaisance qu'il avoit pour elle l'obligeât de rester: elle lui déclara qu'elle le rendoit maître de son sort, qu'il pouvoit partir quand il voudroit, mais qu'elle craignoit qu'il ne lui en arrivât un grand malheur. Ces dernières paroles lui donnèrent bien moins de peine, que les premières ne lui avoient donné de plaisir, et quoiqu'il s'attendrit beaucoup de la seule pensée qu'il falloit se séparer de sa Princesse, cependant son destin fut le plus fort, et enfin il dit adieu à celle qu'il avoit adorée et de laquelle il étoit encore si tendrement aimé; il l'assura qu'aussitôt qu'il auroit fait quelque chose pour sa gloire et pour se rendre même plus digne, qu'il ne l'étoit, de ses bontés, il n'auroit point de repos jusqu'à ce qu'il fût revenu auprès d'elle, la reconnoître comme sa seule Souve-

raine et comme l'unique bien de sa vie. San éloquence naturelle suppléa au défaut de son amour, mais la Princesse étoit trop éclairée pour s'y méprendre, et elle avoit de tristes pressentimens, qui lui annonçoient qu'elle alloit perdre pour toujours un objet qui lui étoit si cher». = Ркп. «Но одно, ежелибъ я умеръ нынѣ, то-бъ, можетъ быть, по смерть свою такую славу оставилъ, которая-бъ во веки по мне процвела, а я не бѣз стыда вижу мою добродетель: утратилъ жизнь мою втуне и глаза, помраченные тмою, которыя-бъ уже много могли смотреть на непріятельскія паденія; мечь свои не вынималъ я тому уже триста летъ, которои бы блистаніемъ своимъ чрезъвычайно устрашить могъ непріятельскія арміи, также и протчіе все, принадлежащіе къ воине, давно у меня в рукахъ не бывали. О нещастливый Одолфъ, немилосердый! закричала пренцеса, ізливая потоки слезъ, ты меня хочешъ оставить, не взирая на болезнь, которая меня пронзаетъ. И выговоривъ сіи слова, пала въ постелью. Принцъ о томъ сердечно сожалелъ, понеже онъ ея весма любилъ и самъ себя обличалъ, что столь долгое время при любезной пребывалъ, чтобъ могъ быть в числе воиновъ; силно самъ себя принуждалъ, чтобъ скрыть свою скуку, впалъ в великую немочь, чресъ которую по маломъ времяни узнать ево невозможно было; когда веки за месецы признавалъ, а в те поры месецы за веки казались. Пренцеса, увидевши, великую печаль возымела і не хотела никакъ болше веселится, опричь ево увеселенія чтобъ онъ остался; объявила, что онъ можетъ ехать, когда хочетъ, однакожь опасалась, чтобъ ему какого нещастія не приключилось. Сіи последние слова імъ придавали болше печали, нежели радости придавали, і хотя онъ соболезновалъ толко отъ единыя мысли, какъ разлучится с пренцесою, однакожъ ево намерение было гораздо силнее. Сказалъ самъ себѣ: Прощай та, которую я за любѣзную причиталъ, напротивъ того, отъ которой я и самъ любимъ былъ. Обнадеживалъ ея, что онъ, какъ скоро получитъ себѣ достопамятную славу, то опять немедленно возвратится и будетъ ея признавать за единую помощь своей жизни. Его природное велере-

чіе увеселило его, однакожь принцеса безъ сумненія знала, что ему приключится нещастіе, что драгое веселие и златое в жизни время во веки утратить».

Отпуская Адольфа принцеса даетъ ему чудесную лошадь, по имени Бишаръ (ркп.; луб. Бешаръ; Bichar) съ наказомъ—ни зачто не слѣзать съ нея, ибо это грозитъ ему несчастіемъ (она знаетъ это par l'esprit de Féerie que les Dieux m'ont donné = ркп. божественнымъ духомъ, поданнымъ мне отъ боговъ. Луб. нѣтъ). Адольфъ обѣщаетъ это исполнить, но въ попыхахъ забылъ свою эпанчу. Бишаръ понесъ его быстро, точно «на крыльяхъ» (луб. на крыльяхъ ветреннихъ»; il semblоit qu'il eût des aîles). Однажды вечеромъ на узкой дорогѣ путь ёму преградила коляска (charrette), опрокинутая надъ старикомъ. Она была «нагружена старыми крыльями, зделанными «із разныхъ *нумеровъ*» = луб. накручено старыми крыльями зделанныя изъ разныхъ *манеровъ:* de vielles aîles faites de différentes *façons*. Старикъ проситъ о помощи; Бишаръ хотѣлъ было вернуться и перескочить черезъ плетень (haie; луб. чрезъ коляску), когда старикъ взмолился снова. Адольфъ слезъ съ коня и едва подалъ руку старику, какъ тотъ выпрямился и схватился за принца такъ быстро, что тотъ не могъ оборотиться, луб. «къ лошади обратитца», очевидно: оборониться: avant qu'il se fût mis en état de s'en défendre. Я Время, говоритъ старикъ громкимъ голосомъ, болѣе трехъ вѣковъ искалъ тебя по свѣту и «измахалъ» вонъ тѣ крылья; теперь я нашелъ тебя. Луб. опускаетъ существенную картину: Старикъ-время накладываетъ руки на уста Адольфа и прекратилъ его дыханіе. Въ это время пролеталъ Зефиръ, видитъ несчастіе своего друга, подошелъ къ нему, «дабы ему жизнь чрезъ сладкое дыхание даровать» (ркп. луб.: pour essayer par la douceur de son haleine de lui rendre la vie), но напрасно. Тогда онъ отнесъ тѣло Адольфа на островъ вѣчнаго веселія. Il le mit dans une grotte, couché sur un rocher, dont la forme étoit plate par le haut, il le couvrit et l'environna des fleurs; après l'avoir désarmé, il forma un trophée de ses armes et ensuite il grava ces vers

sur une colonne de jaspe, qu'il posa proche de ce malheureux Prince:

Le temps est le maître de tout
Il n'est rien dont il ne vienne à bout;
La beauté passe avec les années.
L'homme forme à la fois milles nouveaux desirs
Et son esprit se trouble au milieu des plaisirs:
S'il croit ses peines couronnées,
S'il paroît content quelques jours
D'une conquête qu'il a faite,
Il éprouve bientôt par de facheux retours
Qu'il ne trouve point d'éternelles amours,
Ni de félicité parfaite.

Сл. ркп.: Зефиръ положилъ Адольфа «в одинъ гротъ, у которого потолокъ былъ плоскъ, зделанъ из одного камня; онъ его покрылъ и окружилъ цветами, потомъ отобралъ отъ него все ево оружие и положилъ ихъ на гробницу и вырезалъ таковые вирши надъ нимъ на одномъ аспидномъ столбѣ, которои онъ блиско сего нещастливаго принца поставилъ:

«Время есть время господинъ, і ни единого нетъ что-бы до конца не истребилъ; красота проходитъ съ годами, а человеческій разумъ возмущаютъ многие забавы, выдумываетъ разные желанія. Ежели найдетъ (ркп. -ся) за свои трудъ награжденія, кажется быть доволенъ славою і отъ него учиненною побѣдою— онъ іскушаетъ тотъ часъ чресъ нещастливость, ежели обрящетъ достопамятную храбрость или вечную совершенность» (!).

Въ луб. этой надписи данъ въ концѣ другой оборотъ:

«Время есть время господинъ, и не единаго нетъ, чтобъ до конца не происходилъ. Красота проходитъ з годами, а человѣчески разумъ возмущаетъ многия забавы а выдумываютъ разныя желанія; а ежели надѣется за свой трудъ, оной Гротъ въ награждение былъ тутъ».

Можно-бы предположить въ послѣдней фразѣ попытку внести нѣкоторый смыслъ — и риѳму — въ заключительныя вирши рукописнаго подлинника. Но воспоминаніе объ *ономъ гротѣ* здѣсь,

можетъ быть, и не случайно, ибо если луб. кончается приведенными стихами, французскій текстъ и ркп. продолжаютъ непосредственно: *Cette grotte* étoit le lieu où la Princesse désolée alloit tous les jours depuis le départ de son amant. Доскажу содержаніе повѣсти по ркп.:

«*Сей гротъ* былъ на великомъ высокомъ месте, в которой печальная принцеса всякой день по отъезде ево, любѣзново своего, ходила і о немъ отъ нетерпимой жалости любовно испускала слезъ своихъ потоки. И какая тогда была радость, какъ она ево увидела в тотъ часъ, въ которой она надеялась ему быть весьма такъ далеко, то думала, что онъ уже прибылъ, но отягченный сномъ отъ далекого пути. Ступала она громчая, чтобъ ево разбудить (elle balançoit si elle s'éveilleroit), но однако оставила все сіи движенія (s'abandonnant enfin à ses tendres mouvemens), разнявъ свои руки чтобъ ево обнять; и какъ къ нему уже приблизилась, то узнала притчину своего нещастия і такъ стала рыдать, что ея плачевныя жалобы могли всякого во удивление привести (des plaintes capables d'émouvoir jusqu'aux choses les plus insensibles). Она приказала, чтобы никогда не отворялись двери ея полатъ, і отъ сего дни никто не можетъ сказать ктобъ ея виделъ. Печаль есть притчина тому, что ретко показывается, и находитъ на сію принцесу беспокойство и печаль (et l'on ne trouve point cette Princesse, sans la trouver précédée de quelques inquiétudes, accompagnée de chagrins ou suivie de déplaisirs). Люди могутъ особливо о томъ засвидетельствовать і все о семъ плачевномъ приключеніи говоритъ тако: Время всемъ и во всемъ всеми обладаетъ, і никто въ нихъ совершенно-жъ не пребываетъ = Et tout le monde a dit depuis cette aventure: Que le temps vient à bout de tout, et qu'il n'est point de félicité parfaite».

Отношенія нашей лубочной книги къ тексту Ундольскаго достаточно выяснились изъ предложеннаго сопоставленія: первая сокращена изъ какого-нибудь списка второго, въ которомъ *mortel* былъ переведенъ *мертвымъ* (сл. стр. 6), *façon—манерой* (луб. манеровъ, ркп. Унд. нумеровъ, сл. стр. 20), no se défendre = *оборо-*

ниться уже исказилось въ *оборотиться*, что̀ ркп. Унд. удержала, а редакторъ луб. кн. дополнилъ: *обратиться — къ лошади* (сл. стр. 20).

Въ какомъ отношеніи находится русская повѣсть объ Адольфѣ къ русскому же переводу романа D'Aulnoy объ Ипполитѣ? Представляетъ-ли первая самостоятельный переводъ соотвѣтствующаго эпизода французскаго текста, или выдержку изъ готоваго перевода послѣдняго? Судя по экземпляру русскаго Ипполита, сохранившемуся въ ркп. Имп. Публ. Библ. Q, XV № 75, вопросъ слѣдуетъ рѣшить въ первомъ смыслѣ, если только этотъ списокъ можетъ служить точнымъ показателемъ другихъ и перевода вообще, а не предлагаетъ его въ сокращеніи. Припомнимъ, какимъ образомъ выведена у d'Aulnoy повѣсть объ Адольфѣ: въ сообществѣ съ однимъ живописцемъ онъ проникаетъ въ монастырь, гдѣ жила Юлія, и пока одинъ готовится писать портретъ съ аббатиссы, другой по ея просьбѣ разсказываетъ ей повѣсть — объ островѣ Вѣчнаго Веселія. Сл. въ указанной ркп. л. 26 лиц.: «И какъ вошли в келіі (т. е. «маляръ» и Ипполитъ), тогда игумения была в некоторой печали и говорила маляру: Твоя должность некоторыми забавными историі учинить меня веселу, понеже в веселои лутчея приятность в лице явитца, и тогда рисуи патретъ мои. На что маляръ ответствовалъ, яко онъ забавныхъ истории не знаетъ, разве прикажетъ ученику сказать приятное къ ея веселию. Игумения жъ позволила сказать Іпъпалиту, и онъ такия умныя и забавныя историі сказывать началъ, от которых игумения пришла в немалую веселость и *отъ смеха* не могла удержатца, и многия чесы сказываниемъ Ипъполитовымъ забавълялася». Самого разсказа нѣтъ; да и исторія объ Адольфѣ едва-ли бы возбудила смѣхъ.

Безъ отвѣта остаются пока нѣкоторые другіе вопросы: откуда взяты картинки, сопровождающія лубочный текстъ «гисторіи»? Принадлежатъ-ли ея оригиналу, или на-ново подобраны къ сюжету? Самому-ли русскому переводчику Адольфа принадлежитъ извлеченіе соотвѣтствующаго эпизода романа, или суще-

ствовало старое французское изданіе обособленной повѣсти: оригиналъ русскаго пересказа? R. Koehler[1]) указываетъ на нѣсколько эпическихъ и драматическихъ обработокъ повѣсти объ Адольфѣ: поэма графини Fanny Beauharnais (L'Île de la Félicité, ou Anaxis et Théone. Poème philosophique en trois chants. Paris 1801) заимствована изъ романа Mme d'Aulnoy — и неизвѣстно изъ какого оригинала поэма Thomas'a Lisle: The history of Porsenna, king of Russia. In two books (въ A Collection of Poems in six volumes. By several Hands, London 1763, v. VI, p. 178 — 210). Съ французскаго переведена шведская народная книга, напечатанная впервыя въ 1760—70 годахъ и воспроизведенная въ изданіи Bäckström'a (Svenska Folkböcker II, стр. 100 — 114). подъ заглавіемъ: Lycksalighetens Ö; Bäckström указываетъ въ введеніи (стр. 100) на исторію объ Адольфѣ, перепечатанную изъ романа d'Aulnoy въ Voyages imaginaires, songes, visions et romans cabalistiques, v. 27, Amsterdam 1788, стр. 27 слѣд. (L'île de la Félicité, par madame d'Aulnoy. Episode tiré d'Hypolite, comte de Duglas). Не говоря уже о томъ, что эта перепечатка удалила всю стихотворную партію подлинника, замѣнивъ её краткимъ пересказомъ въ прозѣ, самое время ея появленія (1788 г.) не отвѣ даетъ ни первымъ изданіямъ шведской народной книги (1760 —

---

[1]) Въ предисловіи къ Trattato della superbia e morte di Senso, y Alessandro D'Ancona, Antichi poemetti popolari italiani. Bologna, Zanichelli 1886, 1 v., стр. 98—100 (изданіе, еще не пущенное въ обращеніе). Въ этомъ предисловіи указаны народные и литературные пересказы сюжета объ Адольфѣ: Ortoli, Les contes populaires de l'île de Corse, p. 224—34; римская сказка, записанная Шухардтомъ; Nerucci, Sessanta novelline pop. montalesi № XXXIII; Comparetti, Nov. pop. italiane I, № L; Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse Bretagne I, 346; легенда объ Occіанѣ (l. c. 75—81); Kremnitz, Rumänische Märchen № 2; Constantinescu, Probe de limba şi literatura Tsiganilor din România (Bucuresci 1878) p. 95—101; Аоанасьевъ, Поэтич. Воззр. III, 271 слѣд.; Schneller, Märchen u. Sagen aus Wälschtirol, p. 217.—Lai de Guingamor (Romania, VIII, 50—9); Gualt. Mapes, De nugis curialium, dist. I, c. XI; The book of Leinster ed. Atkinson, p. 275 и 63. Присоединю къ этому: Knortz, Irländische Märchen (Zürich 1886): легенда объ Occіанѣ; см. также представленіе объ Udainsakr въ введеніи къ Hervarar-saga ok Heidreks ed. S. Bugge I.

70)[1]), ни помѣткѣ на рукописи Ундольскаго: 1754 — 55 годъ. Нѣкоторыя хронологическія указанія, полезныя для насъ, даетъ стихотворная обработка новеллы объ Адольфѣ Антономъ Кальметеромъ: Saga om Prints Adolph och Printsessan Lycksalighet. Ifrån Fransöskan öfversatt af A. K. (Anton Kalmeter). Stockholm 1747; авторъ говоритъ, что переводилъ съ одного французскаго «dikt», напечатаннаго въ Брюсселѣ въ 1706 году. Въ этомъ направленіи слѣдуетъ, быть можетъ, искать источника русскаго перевода исторіи объ Адольфѣ.

Александръ Веселовскій.

[1]) Отмѣтимъ кстати, что переводъ исторіи объ Адольфѣ въ шведской народной книгѣ разнится отъ соотвѣтствующаго, помѣщеннаго въ шведскомъ же переводѣ всего романа объ Ипполитѣ (Stockholm 1746). Сл. Bäckström l. c. 100.